

**ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОНАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ НАРОДОВ
«ДУГИ НЕСТАБИЛЬНОСТИ» (XVIII–XXI вв.)**

Автор обращает внимание на ряд аспектов, которые надо учитывать при изучении стереотипов и образов, формировавшихся у народов России, Кавказа, Крыма и Балканских стран в процессе взаимодействия и противостояния на протяжении трех столетий. Начиная с XVIII в. в этой «дуге нестабильности» надолго схлестнулись геостратегические, политические, экономические и этноконфессиональные интересы России и Турции, Крымского ханства, Кавказских государств, Ирана, европейских держав и подключившихся позже США. Междисциплинарный комплексный подход позволит проследить трансформацию образов «Другого» вплоть до начала XXI в., для чего рекомендуется проведение эмпирических исследований.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, Крым, Балканы, дуга нестабильности, стереотип, образ, историография, идентичность, социология

Россия, Крым и Балканские страны уже несколько столетий входят в так называемую «дугу нестабильности», но сам термин появился в XX в. Однако именно в XVIII в. на просторах рассматриваемой полиэтничной и поликонфессиональной территории как никогда ранее возросла напряженность и надолго схлестнулись геостратегические, политические, экономические и этноконфессиональные интересы Российской, Османской и Австро-Венгерской империй, Крымского ханства, Кавказских государств и политических образований, Персии, европейских держав и подключившихся позже США.

Данная статья не претендует на то, чтобы дать ответ на все вопросы, связанные с рассматриваемой проблемой. В ней только делается попытка осветить в рамках краткого обзора нескольких векторов, интегрирующих сопоставляемые территории в условиях межцивилизационного взаимодействия и противостояния – последнее предельно национализировано и четко обозначает образ «врага», конструируемый как *сверху* – правящей элитой, так и *снизу* – массами населения. Причем, как подчеркивает В.В. Дегоев: «В этом многоцветном и пульсирующем мире образ врага зачастую утрачивал свои классические формы, превращаясь в объект, вызывавший смешанные чувства и провоцировавший тягу к взаимопознанию и взаимоподражанию»¹. Трехвековые хронологические рамки нашего краткого обзора позволяют наметить несколько переломных этапов, влиявших на трансформацию стереотипов в «дуге нестабильности».

¹ Дегоев 2013. С. 8.

В отношениях между Западной Европой и Россией уже в XVIII в. сформировались устойчивые стереотипы, «которые в значительной мере воздействовали и на политическое мышление и политическую культуру европейцев, и на их обыденное массовое сознание, имея в виду их восприятие России»², и продолжают существовать в исторической памяти и политике в настоящее время. Точно так же и россияне имели к этому времени свой комплект стереотипов в отношении европейцев. Иная картина наблюдается во взаимоотношениях России, Кавказа, Крыма и Балканских стран. Давние, но в целом эпизодические отношения между народами, населяющими рассматриваемые территории, разумеется, успели заложить определенный фундамент представлений друг о друге, но с наступлением XVIII столетия ситуация стала меняться кардинальным образом в связи с активизацией в регионе России, которая на своих южных кавказских рубежах проявила себя сильным и опасным конкурентом. А в европейской политике она разрушила установившийся с XVII в. баланс сил на континенте.

XVIII век стал чрезвычайно важным этапом в истории российско-крымских отношений. «К этому времени в черноморско-восточно-средиземноморском регионе сложилось господство двух родственных тюркских гособразований – крымского ханства и османской государственности...»³. Крымское ханство (турецкий вассал с XV по XVIII в.) служило ударной силой османской агрессии против России и других славянских стран. В переломном XVIII в. закончился долгий период почти непрерывного противостояния и оба народа начали постепенно переходить к практике мирного сотрудничества.

Крым можно сравнить с Кавказом, который с давних времен воспринимался и как пограничный регион, и как связующее звено между Западом и Востоком, а проблемы с образом «врага», исторической памятью и идентичностью стоят здесь столь же остро. Османская Порта и европейские соперники России прекрасно сознавали, что усиление России на Кавказе и в Крыму приведет рано или поздно к активизации ее политики на Балканском полуострове и на Ближнем Востоке. В последней четверти XVIII в. произошло идеологическое и военно-политическое оформление претензий России на регион Кавказа и Закавказья, определился еще один южный вектор (другим был балканский) ее внешней политики: присоединение Грузии (1801) и Азербайджана (1803), войны с Турцией (1812) и Ираном (1813), Кавказская война (1817–1864). К концу XIX в. Россия окончательно присоединила Чечню, Горный Дагестан и Северо-Западный Кавказ⁴.

² Чубарьян 2011. С. 18.

³ Харлампий Политидис. Русско-турецкое противоборство...

⁴ Сегодня Большой Кавказ (и российский Северный Кавказ как часть макрорегиона «Кавказ») представляет собой один из самых нестабильных регионов. Не слу-

В XIX в. Россия все активнее включается в разрешение балканских проблем. В результате сформировались противоречия, вошедшие в историю под названием «Восточного вопроса» (Крымская война 1853–1856 гг. часть этого «вопроса»), не имеющего аналогов в предшествующей истории Балкан, как и судьбоносная для Болгарии русско-турецкая война 1877–1878 гг. Болгария освободилась от османского господства, была восстановлена болгарская государственность. Однако Сербия с Румынией, Австрия с Англией и Османской империей остались недовольны успехами российских войск в Закавказье и на Балканском полуострове, что привело к созыву Берлинского конгресса.

Британский публицист Д.Э. Бакер в свое время писал: «Балканы и Малая Азия занимают самую важную стратегическую позицию в мире. Они представляют собой ядро и центр Старого Света, разделяют и одновременно связывают три материка: Европу, Азию и Африку...»⁵. Подобную роль играет и Большой Кавказ. С мнением Бакера перекликается тезис Харлампия Политидиса (член президиума Конгресса национальных объединений России) о том, что «Балканы, Кавказ и Крым в геополитическом смысле... могут быть в сфере влияния и контроля либо Великой Русской равнины, либо Анатолии (касательно Балкан, Кавказа и Крыма); либо Иранского нагорья (касательно Кавказа и Крыма и в меньшей степени Балкан)»⁶. Подобная «конфигурация» порождает притязания и нестабильность в регионе. В геополитическом смысле Кавказ, Крым и Балканы – буферные зоны, в которых помимо уже указанных интересов каждая из сторон стремилась утвердить свою ведущую роль в судьбах христианства или мусульманского мира.

После Первой мировой войны на территориях Российской, Османской и Австро-Венгерской империй возникли новые национальные государства, у которых произошло частичное или кардинальное переформатирование образов «свой-чужой», «друг-враг», например, Турция в период правления Кемаля Ататюрка. Вторая мировая война и ее последствия внесли новые коррективы в уже сложившиеся образы друг друга и в характер взаимоотношений между странами и народами рассматриваемого региона. Мир разделился на два лагеря: капиталистический и социалистический. В лагерь социалистических стран вошли и балканские государственные образования, в частности Болгарская Народная Республика, представляющая для нас особый интерес. Наконец, после ликвидации Варшавского блока и СЭВ, развала СССР (1991), иных коллизий и перемен произошел новый виток переформа-

чайно многие политологи и геополитики считают, что этому региону суждено стать «русскими евразийскими Балканами», выступив в качестве ключевого звена «евразийского пояса нестабильности», простирающегося от Балкан до Гималаев.

⁵ Российский государственный исторический архив. Ф.776. Оп.32. Д.132. Л.311.

⁶ Харлампий Политидис. Русско-турецкое противоборство...

тирования инациональных образов. В итоге разбалансировки противоборствующих сил (лагерей) сложилась новая геополитическая ситуация, сопровождающаяся трансформацией взаимоотношений, где-то сменой образов «свой-чужой», «друг-враг», у других – озабоченностью тем, что последние события основательно расшатали однополярный мир под названием Pax Americana. И чтобы сделать систему устойчивой бывший госсекретарь США Генри Киссинджер предлагает вернуться к концепции балансиров, которая легла в основу Вестфальского мира по итогу первой общеевропейской Тридцатилетней войны⁷. Стоит, однако, вспомнить о том, что Версальская система договоров, основанная на праве наций на самоопределение, «не привела к ликвидации множества национальных противоречий. Новые границы снимали ряд старых противоречий, но порождали новые. При этом все балканские страны оставались многонациональными». Только в XX в. славянский мир трижды менялся самым кардинальным способом – после каждой из двух Мировых войн и после краха европейского социализма и окончания «холодной войны»⁸, что не раз приводило к национальным катастрофам, а во-вторых – влияло на изменение ориентиров в отношениях к «своим» и «чужим», «друзьям» и «врагам».

В результате демонтажа советского режима на постсоветском и постсоциалистическом пространстве развернулась настоящая война, в т.ч. и за историю, имеющая, к сожалению, ярко выраженную антироссийскую направленность. Сегодня интерпретация прошлого стала одним из главных средств отдаления Азербайджана, Грузии и Украины от России. Они, как и ряд других постсоветских режимов, переосмысливая собственные истории, избрали главным инструментом легитимации начатых реформ критику советского прошлого и всего, что связано с Россией. К примеру, вхождение «украинских земель» в состав России расценивается ныне как уничтожение «Украинской казачьей державы», как одно из «тяжких преступлений царизма перед украинским народом»⁹, а итог пребывания «Украины» в составе России характеризуется как отрыв от европейской цивилизации и деградация. Украина не одинока в своем стремлении конструировать историю, противоположную той, что ей «навязывалась прежде»¹⁰.

Сказанное относится и к некоторым странам «постсоциалистического лагеря», в которых с конца 1980-х – начала 1990-х гг. наблюдается процесс изменения исследовательских приоритетов и характера освещения поднимаемых проблем. Подобную тенденцию отмечают многие исследователи и, как заметил В.И. Косик: «пожалуй, из всех

⁷ См.: В новом «мировом порядке» России не будет вообще...

⁸ Никифоров 2014. С. 4.

⁹ Турченко, Мороко 2003. С. 74.

¹⁰ Ферро 1992. С. 11.

балканских стран Болгария имеет больше всего страниц в своей истории, которые с удовольствием вычеркнули бы некоторые историки. <...> С точки зрения некоторых мыслителей, ...освободив Болгарию, самодержавная Россия тем самым нарушила естественный или, скажем, эволюционный процесс обретения государственности через демократическую трансформацию Османской империи»¹¹ и т.д. Говоря о подобных негативных тенденциях, Л.З. Копелев отмечал, что от предрассудков, связанных с образом врага «человечество страдает с самого начала своего существования. И все еще не может исцелиться»¹².

Таким образом, XIX и начало XX в., а также рубеж XX–XXI вв. ознаменовались чередой нескольких кардинальных перемен для автохтонных и старожильских народов балканской, крымской, кавказской территорий и для народов других государств сопредельных с «дугой нестабильности». Распад империй, раздробление больших стран и формирование национальных государств, порождают новые конфликты. Сейчас, по сути, происходит возвращение к ситуации конца XIX – начала XX в., с присущими тому времени взаимными территориальными и иными претензиями, этническим национализмом и т.п.

Следующий аспект нашей темы связан со сходством территорий Кавказа, Крыма и Балкан, который нельзя сводить к идентичности рельефа. «Каждое из этих пространств находится на пересечении великих лимитрофных зон, т.е. между западным и восточным христианством; между христианством и исламом. Они являют собой периферию, великое пограничье, для которых характерно многовековое сохранение ряда национальных и локальных культур, никогда не объединявшихся воедино»¹³. К тому же в отличие от Западной Европы, на огромном пространстве от Кавказа до Балкан в ментальности населения доминирует этнокультурная близость при этнической чересполосице, которая до сих пор провоцирует множество территориальных споров и порождает различные планы перекройки Балкан. Мировому капиталу невыгодно работать с сильными государственно-национальными образованиями. Если евро-американский проект дробления национальных государств

¹¹ Косик 2006. С. 144; Славянский мир... 2006. С. 111, 116–117, 127.

¹² Копелев 1994. С. 25. В этом плане интересен казус вокруг приглашения-неприглашения Р.Т. Эрдогана и В.В. Путина на празднование 138-й годовщины освобождения Болгарии. Шумиху, поднятую в медийных сетях вокруг этого вопроса, разрядил официальный представитель МИД Болгарии Бетина Жотева, заявив, что главы иностранных государств не приглашались на официальные мероприятия. Показательная реакция многих болгар – это, к примеру, двойной болгаро-российский флаг, сшитый жительницей Хасково, которая освятила его и сказала: «Теперь у нас есть еще один общий святой – Св. Серафим Соболев!», или слова профессора Румяны Михневой (в фейсбуке) о том, что Эрдогана «никогда не пригласят, пока наши дети учат стихи о “Шипке” и поют песню “Жители Клисурь стали москочцами, а все из Панагюрище - донские казаки”!». См.: Румяна Михнева [Элект. ресурс].

¹³ Плохотнюк 2015. С. 36.

на этнические и религиозные государственные образования будет вошел в жизнь, не исключено что наступит время, когда географические и политические границы будут проходить уже по этнокультурным и религиозным водоразделам.

В «дуге нестабильности» у народов сложилось свое понимание этнической идентичности, отличающейся и от «немецкой» концепции нации (по крови), и от «французской» (по гражданству), и от американского «плавильного котла». Как отмечал Н.А. Ерофеев: «образы-представления занимают ключевое положение в ментальности: именно в образы отливаются важнейшие мысли и чувства, волнующие общество в данную эпоху, в них фиксируется картина мира, опосредованно отражаются общественные институты и устоявшиеся формы быта»¹⁴. Этноконфессиональные связи прочнее гражданской/национальной идентичности. В условиях современной нестабильности этноконфессиональные предпочтения среди населения региона возрастают и зачастую оказываются сильнее иных так называемых «скреп».

Анализируя политические проблемы, сохраняющие актуальность до наших дней, исследователи, как и политики, используют определенные мифы и стойкие стереотипы – представления о дихотомии «свой-чужой», «друг-враг», которые варьировались в зависимости от изменения ситуации, что затрудняло непредвзятое восприятие «чужого». Однако во времена больших перемен (к ним относится и наше время) «народы как бы заново познают друг друга, когда открывается возможность, опираясь на уроки истории, на личный жизненный опыт и новую реальность, пересмотреть, проверить, скорректировать, опровергнуть или поддержать бытующие в сознании и культуре представления о других народах»¹⁵. В современных условиях деконструкция стереотипов национальных взаимопредставлений приобретает особое значение.

Для понимания других аспектов изучения процессов, происходящих в общественно-политическом и бытовом сознании разных народов, Л.Е. Горизонтов рекомендует отказаться от страноведческого подхода, не позволяющего «задействовать весь познавательный потенциал современной гуманитаристики». Продолжая эту мысль, автор указывает на прямую связь между этническими и этноисториографическими стереотипами (образы национальных историографий), которые в немалой степени «являются производными от первых, и потому аксиологически они заряжены однополярно. <...> Изменить историографические репутации... так же сложно, как изменить образ страны за рубежом в целом». Возможность оздоровления ситуации Горизонтов видит «на путях повышения профессиональной ответственности историков, углубления международной кооперации, проведения компаративных

¹⁴ Ерофеев 1982. С. 9.

¹⁵ Славомир Вольман 2014. С. 5-6.

исследований и разработок в русле *entangled history*»¹⁶. Такой подход должен способствовать изменению имиджа страны.

Благодатный материал для изучения взаимных «образов» русских, кавказцев, крымчан и балканцев (болгар) содержат разные виды источников: путевые дневники, мемуары, труды историков, военно-историческая и сатирическая публицистика, художественная литература и т.д. Но, принимая во внимание хронологические рамки исследования – более трех столетий, – считаю, что в данном случае можно отказаться от привлечения литературы (это требует большого самостоятельного исследования). К тому же, «художественная литература – это не единственный и не самый важный тип дискурса, посредством которого создаются, распространяются и усваиваются национальные стереотипы»¹⁷.

Процесс аккумуляции представлений друг о друге, формирования стереотипов и образов, к примеру, во взаимоотношениях России и Болгарии (ограничимся ими, поскольку охватить здесь остальных акторов «дуги нестабильности» не представляется возможным) в общих чертах можно изобразить следующим образом.

XVIII век – начало XIX в. В России при Петре I появились идеи по-новому изучать и осваивать славянский мир – светское измерение: Петр I и Г.Ф. Лейбниц, перевод книги М. Орбини; церковное – перевод книги Ц. Барония, оба сочинения были известны в России и популярны на Балканах на протяжении XVIII в. Формированию взаимопредставлений способствовали отдельные переселения болгар на черноморский юг России (Крым и современная территория Украины). Первые русско-турецкие войны спровоцировали новые волны переселения болгар в Россию. В 1920-е гг. – научные исследования: Румянцевский кружок, Калайдович, Венелин; начало активной деятельности одесских болгар; русско-турецкая война 1828-1829 гг. и новая волна массовой миграции болгар в Россию; военно-историческая публицистика России; учеба болгар на юге России; новые идеи о том, кому нужно изучение болгар. Среди самих болгар – стремление добиться российских стипендий и учиться в России – в лицеях, духовных академиях, университетах; переводы сочинений с русских оригиналов, компиляции¹⁸ и т.п.

В 20-е – 80-е годы XIX века появляются новые возможности для углубления взаимопредставлений и коррекции стереотипов. Творчество болгар: Спиридон Палаузов, Марин Дринов, создание Софийского университета; сотрудничество между историками; уход из жизни первого поколения («первой волны») российских университетских славистов – Бодянский, Григорович, Срезневский. Смещение центров обучения

¹⁶ Горизонтов 2015.

¹⁷ Павел Яначек 2014. С. 46-47.

¹⁸ Подробнее см.: Муртузалиев 2013.

болгар – основным центром притяжения становится Харьковский университет, где преподавал М. Дринов, хотя некоторые болгары заканчивали обучение в Петербурге или в Москве.

1880–1920-е годы. К 1920-м гг. в расцвете сил были болгарские историки, которые обучались в России или поддерживали контакты с ней. Они создавали образ прошлого и настоящего своей страны, а через это частично и образ исторического прошлого России и россиян. После Октябрьской революции 1917 г. в Софийском университете начали работать более 15-ти российских историков «Высшего сорта» – так их именовали сами болгары. Исследования и личное присутствие выдающихся историков во все периоды давало о себе знать в процессе формирования образа россиян у болгар и образа болгар у россиян.

Если взглянем на российскую дореволюционную историографию, то обнаружим солидный опыт изучения культурно-религиозных связей Русского государства с народами Кавказа, Крыма и Балкан. Сложные военно-дипломатические отношения Российской и Оттоманской империй, культурные контакты с христианами, растущее внимание царского правительства и общества к южнославянским народам в XVIII–XIX вв. создавали ту среду, для которой информация о зарубежных славянах в османском государстве постепенно начинала представлять первостепенный интерес. Этому способствовали и резко возросшие в XIX в. возможности познания мира, что позволило некоторым исследователям уподобить активизацию путешествий европейцев с пандемией. Российские дипломаты, исследователи, туристы, представители духовенства, паломники к святым местам на Востоке, наконец, русские воины, контактировавшие с болгарами, способствовали формированию их образа в глазах россиян. Параллельно с этим и у болгар складывались определенные представления (стереотипы) о русских и о России¹⁹. Развитие подобных контактов способствовало углублению процесса взаимопознания. С конца 1850-х гг. прежде чисто теоретическое философское славянофильство перешло в плоскость реальной политики. Это совпало с подъемом национально-освободительной борьбы южных славян, в первую очередь борьбы болгар против Константинопольской патриархии за церковно-национальную независимость²⁰, что сопровождалось активизацией русско-болгарских связей и дальнейшим процессом взаимоузнавания, корректировкой стереотипов.

Мы подошли еще к одному важному аспекту проблемы. Если исследование предполагает проведение социологических опросов, тогда, следуя замечанию П. Яначека, нужно принять во внимание, что «в социологии под этническим/национальным стереотипом подразумевается

¹⁹ Муртузалиев 2015.

²⁰ Афон и русская литература XIX века...

одна из многих познавательных схем, созданных посредством определенной системы репрезентаций. С их помощью конкретная социальная группа... конструирует определенную социальную реальность». В связи с этим Яначек считает необходимым напомнить методических указаний: «1. Стереотипы – это существенное средство конструирования и изучения социальной идентичности, что необходимо для интеграции отдельных индивидов в группу. Общественная коммуникация невозможна без стереотипов. 2. Национальный стереотип отражает не реальность, к примеру, не национальный характер народа, но представление другого народа о нем. 3. Национальные стереотипы составляют систему гетеростереотипов (кто они такие) и автостереотипов (кто мы такие). 4. Национальный стереотип является не отражением непосредственного опыта общения, а результатом культурных традиций, передаваемых из поколения в поколение, социального влияния и влияния СМИ. 5. Национальный стереотип равнодушен к индивидуальному опыту, даже в случае если он с ним несовместим. 6. Национальные стереотипы носят оценочный характер, всегда обременены позитивными или негативными эмоциями. 7. Национальные стереотипы устойчивы к переменам, имеют продолжительный эффект, проявляют стабильность в течение короткого и более длительного исторических периодов»²¹.

Процесс взаимодействия с народами, обладающими иными ценностями, особенно если эти «чужие» ценности начинают оказывать давление, ускоряет самоидентификацию, приводит к национальной идентификации. Подъем национализма в мире – один из ответов на вызовы культурного глобализма через утверждение «осязаемых» этнокультурных ориентиров идентичности. Социолог И.С. Семененко подчеркивает: «Как система социально значимых ориентиров “узнавания” себя идентичность постоянно находится в процессе становления и переосмысления своих характеристик. Но в информационном обществе, в мире многоуровневой взаимозависимости социальных субъектов и индивидов сами референтные ориентиры становятся все более неопределенными, размытыми и изменчивыми. Они подвержены влиянию стремительно растущих потоков информации и сами формируют пространство информации и коммуникации»²². Это следует учитывать.

Решая поставленные задачи, надо помнить, что «преследуя свои цели, идеология институтов власти реанимирует и модернизирует возникшие в прошлом этнические/национальные стереотипы, перманентно обновляя исторический нарратив и актуализируя национальную мифологию. Это происходит путем выработки того, что теперь квалифицируется как “историческая политика”, которая реинтерпретирует

²¹ Яначек 2014. С. 40-41.

²² Поиск национально-цивилизационной идентичности... 2004. С. 40-41.

прошлое и интерпретирует настоящее под углом зрения текущей государственно-политической программы, разрабатываемой в ее рамках и идеологии и вытекающей из нее массовой пропаганды»²³.

Именно на основе инокультурных стереотипов возникают так называемые «образы», которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы²⁴.

Представляется закономерным рост научного и практического интереса к изучению образов «Другого» как составной части картины внешнего мира с позиций историко-имагологического подхода. Исследования межэтнического взаимовосприятия открывают специфичные для каждой из этнических культур различия в представлениях о «других» и оценках «другого». Сложность изучения трансформации стереотипов других народов заключается в том, что на каждом из выделенных выше этапов, образы «другого» изменялись в представлениях каждого из акторов. Насколько – покажут дальнейшие исследования. Если обратимся к истории России XX столетия, то идентичности менялись дважды – первый раз в начале века, а старт второй был дан на рубеже XX–XXI вв. Причем одна идентичность наслаивалась на другую, из которой, мутируя, произрастала новая идентичность. В современной России пока только еще формирующаяся национальная идентичность представляет собой нечто вроде винегрета или слоеного пирога. Параллельно этому идет процесс реформативного восприятия «других» соседней по «дуге нестабильности». Возрастающее значение расширения диалога требует учета культурного многообразия и уникальности каждой цивилизации, необходимости познания своего соседа и себя. В этой связи возрастает интерес к исследованию взаимных представлений, к оценке инаковости «другого/чужого» на основе собственной системы ценностей, что способствует самоидентификации и сплочению нации, столь необходимых и для современной России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афон и русская литература XIX века. URL: <http://afonit.info/biblioteka/russkij-afon/afon-i-russkaya-literatura?tmpl=component&print=1&layout=default&page=>
- В новом «мировом порядке» России не будет вообще // <http://bdtelnost.info/2016/02/15/1880/>
- Вольман С. От редколлегии // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А.В. Липатов, Ю.А. Созина. М.: ООО «Центр книги Рудомино», 2014.
- Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012.
- Горизонтов Л.Е. Политизация истории и этноисториографические стереотипы: Восточной- и Центрально-европейские модели рубежа XX–XXI вв. // История – поле сражений / сост. А.Б. Давидсон. М.: Собрание, 2015.

²³ Липатов 2014. С. 50–51.

²⁴ Голубев, Поршнева 2012. С. 9.

- Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М.: Изд. Модест Колеров, 2013.
- Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. М.: Наука, 1982.
- Копелев Л.З. Чужие // Одиссей: Человек в истории – 1993. М.: Наука, 1994.
- Косик В.И. Футурология прошлого (К вопросу об исторической памяти) // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2006.
- Липатов А.В. Историко-цивилизационный фактор инонационального восприятия (на примере польского отношения к русскости) // Россия и русский человек в восприятии славянских народов...
- Муртузалиев С.И. Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV- первая половина XIX в.). М.: Мамонт, 2013.
- Муртузалиев С.И. Болгары в военных записках художника В.В. Верещагина // Места на вседневие на Балканах. Шумен, 2015.
- Никифоров К.В. Введение // Балканы в европейских политических проектах XIX-XXI вв. Сб. статей / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2014.
- Плохотнюк Т.Н. Кавказ-Карпаты-Балканы: немецкий элемент демографической структуры региона в XIX – XX вв. как фактор развития национального менталитета // Кавказ-Карпаты-Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII–XX вв. / отв. ред. И.В. Крючков, К. В. Никифоров, Ф. Саваи. Ставрополь: СКФУ, 2015.
- Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации / Отв. ред. В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН, 2004.
- Российский государственный исторический архив. Фонд 776. Оп. 32. Д. 132. Л. 311.
- Румяна Михнева // <https://www.facebook.com/ROUML.MIHNEVA/posts/10153956453634346>
- Славянский мир: проблемы истории и современности (Памяти Владимира Константиновича Волкова). М.: Институт славяноведения РАН, 2006.
- Турченко Ф.Г., Мороко В.М. Історія України. Кінець XVIII- початок XX століття. Підручник для 9 кл. загальноосвіт. навч. закл. Київ: Генеза, 2003.
- Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.
- Харлампий Политидис. Русско-турецкое противоборство как определяющий фактор геополитических реалий Кавказа и Малой Азии // URL: www.pravoslavie.ru/5113.htm
- Чубарьян А.О. Стереотипы и образы России в европейском мышлении и массовом сознании // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / [сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова]; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2011.
- Яначек, Павел. «Русаки», животное, добрая душа и художник. Национальные стереотипы русских и России в чешской литературе начала XXI века // Россия и русский человек в восприятии славянских народов...

REFERENCES

- Afon i russkaya literatura XIX veka. URL: <http://afonit.info/biblioteka/russkij-afon/afon-i-russkaya-literatura?tmpl=component&print=1&layout=default&page=>
- Chubar'yan A.O. Stereotipy i obrazy Rossii v evropeiskom myshlenii i massovom soznanii // Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: k 70-letiyu akad. V.A. Tishkova / [sost. M.N. Guboglo, N.A. Dubova]; In-t etnologii i antropologii. M.: Nauka, 2011.
- Degoev V.V. Nepostizhimaya Chechnya: Sheikh-Mansur i ego vremya (XVIII vek). M., 2013.
- Erofeev N.A. Tumannyi Alb'ion: Angliya i anglichane glazami russkikh. M.: Nauka, 1982.
- Ferro M. Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira. M., 1992.
- Golubev A.V., Porsheva O.S. Obraz soyuznika v soznanii rossiiskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn. M.: Novyi khronograf, 2012.
- Horizontov L.E. Politizatsiya istorii i etnoistoriograficheskie stereotipy: Vostochno- i Tsentral'no-evropeiskie modeli rubezha XX–XXI vv. // Istoriya – pole srazhenii / sost. A.B. Davidson. M.: Sobranie, 2015.

- Kharlampii Politidis. Russko-turetskoe protivoborstvo kak opredelyayushchii faktor geopoliticheskikh realii Kavkaza i Maloi Azii // URL: www.pravoslavie.ru/5113.htm
- Kopelev L.Z. Chuzhie // Odissei: Chelovek v istorii – 1993. M.: Nauka, 1994.
- Kosik V.I. Futurologiya proshlogo (K voprosu ob istoricheskoi pamyati) // Rossiya i Bolgariya. K 125-letiyu russko-turetskoi voiny 1877-1878 gg. M., 2006.
- Lipatov A.V. Istorko-tsvivilizatsionnyi faktor inonatsional'nogo vospriyatiya (na primere pol'skogo otnosheniya k russkosti) // Rossiya i russkii chelovek v vospriyatii slavyanskikh narodov... 2014.
- Murtuzaliev S.I. Bolgariya v teni polumesyatsa. Izuchenie istorii Bolgarii i Osmanskoj imperii v Rossii (XV - pervaya polovina XIX v.). M.: Mamont, 2013.
- Murtuzaliev S.I. Bolgary v voennykh zapiskakh khudozhnika V.V. Vereshchagina // Mesta na vsekidnevieto na Balkanite. Shumen, 2015.
- Nikiforov K.V. Vvedenie // Balkany v evropejskikh politicheskikh proektakh XIX-XXI vv. Sb. statei / Otv. red. R.P. Grishina. M., 2014.
- Pavel Yanachek. «Rusak», zhivotnoe, dobraya dusha i khudozhnik. Natsional'nye stereotipy russkikh i Rossii v cheshskoj literature nachala XXI veka // Rossiya i russkii chelovek v vospriyatii slavyanskikh narodov... 2014.
- Plokhotnyuk T.N. Kavkaz-Karpaty-Balkany: nemetskii element demograficheskoi struktury regiona v XIX–XX vv. kak faktor razvitiya natsional'nogo mentaliteta // Kavkaz-Karpaty-Balkany: geopoliticheskie, etnokonfessional'nye, regional'nye i lokal'nye komponenty natsional'nogo mentaliteta v XVIII–XX vv. / otv. red. I.V. Kryuchkov, K.V. Nikiforov, F. Savai. Stavropol': SKFU, 2015.
- Poisk natsional'no-tsvivilizatsionnoi identichnosti i kontsept “osobogo puti” v rossiiskom massovom soznanii v kontekste modernizatsii / Otv. red. Lapkin V.V., Pantin V.I.). M. 2004.
- Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Fond 776. Op. 32. D. 132. L. 311.
- Rumyana Mikhneva // <https://www.facebook.com/ROUMI.MIHNIEVA/posts/10153956453634346>
- Slavyanskii mir: problemy istorii i sovremennosti (Pamyati Vladimira Konstantinovicha Volkova). M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2006.
- Turchenko F.G., Moroko V.M. Istoriya Ukraïni. Kinet's XVIII - pochatok XX stolittya. Pidruchnik dlya 9 kl. zagal'noosit. navch. zakl. Kiïv: Geneza, 2003.
- V novom “mirovom poryadke” Rossii ne budet voobshche // [msihistory2000@yandex.ru](http://bditelnost.info/2016/02/15/1880/Vol'man S. Ot redkollegii // Rossiya i russkii chelovek v vospriyatii slavyanskikh narodov... 2014.</p>
<p><i>Муртузалиев Сергей Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; <a href=)

Studying ethnic stereotypes in the relations between the peoples of the “instability range”, 18th – 21st centuries

The author attracts attention to a number of aspects that should be taken into consideration when studying ethnic stereotypes and images that the peoples of Russia, the Caucasus, Crimea and the Balkans developed in the course of the three centuries of interaction and confrontation. From the 18th century, the “instability range” was the place where geopolitical, economic and confessional interests of Russia and Turkey, the Caucasian nations, Iran, European countries and later of the USA met and often clashed. An interdisciplinary approach allows to trace the transformation of the image of the “alien” to the early 21st century.

Keywords: *Russia, the Caucasus, Crimea, the Balkans, instability range, stereotype, historiography, identity, sociology*

Sergey Murtuzaliyev, Dr.Sc (History), Professor, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; msihistory2000@yandex.ru